

Между Минском и Хабаровском

Андрей Макарычев | 01.12.2021

Что объединяет протесты в Беларуси и на Дальнем Востоке и почему они пока не привели к практическим результатам

«Перемен требуют наши сердца»

Во второй половине прошлого года в двух горячих точках постсоветского пространства – в Беларуси и на Дальнем Востоке – [протестные движения развивались параллельно друг другу](#). Хотя эти события и были обусловлены разными причинами, в обоих случаях мы наблюдали похожие черты: спонтанность, отсутствие ярко выраженного публичного лидерства и сетевые формы коммуникации между активистами.

Особенно примечательными были символические жесты взаимной солидарности вышедших на улицы хабаровчан и белорусских противников Александра Лукашенко. Многие из протестующих против ареста губернатора Сергея Фургала в Хабаровске говорили, что, несмотря на расстояние, их вдохновляет пример беспрецедентной оппозиционной активности в Минске. В то же время многие минчане посчитали, что у их требований много общего с теми, чего хотели добиться их хабаровские коллеги по протесту.

Некоторые политические аналитики также заметили параллели в происходящем. Кто-

то увидел в жителях Дальнего Востока потомков переселенцев из числа украинских и белорусских крестьян, которые переехали на восток в поисках более свободной жизни. Кто-то обратил внимание на внешний фактор: и белорусы, и хабаровчане воспринимают соседние страны (соответственно, Польшу и Литву в первом случае, и Китай – во втором) как успешные (и близкие) примеры экономического развития. Другие комментаторы провели параллели между публичными акциями против Лукашенко и московскими протестами 2011 года, что подчеркивало схожие корни антиправительственной политической активности в двух странах.

Среди российских политологов достаточно распространенным было мнение о том, что хабаровские демонстрации могут придать дополнительный импульс белорусской оппозиции. В то же время, по мнению некоторых российских аналитиков, Хабаровск стал «нашей внутренней Беларусью», из чего следовало, что рано или поздно путинский режим столкнется с таким же масштабом протестов, как и режим Лукашенко.

Некоторые украинские комментарии были выдержаны в таком же духе ожидания «славянский весны», причем не просто как антиэлитного и, по сути, антиколониального движения. В этом контексте в Беларуси и на Дальнем Востоке можно увидеть две окраины так называемого русского мира как цивилизационного и культурного пространства, исторически колонизованного Москвой и критически зависящего от нее, но способного к взаимно дополняемому сопротивлению.

Этическая основа протестов дала самый мощный политизирующий эффект в обществах, которые до этого можно было считать деполитизированными и деидеологизированными

Какие же ключевые характеристики недавних волн протестной активности в Минске и Хабаровске делают их сравнимыми? Во-первых, эти события можно квалифицировать как этические восстания, поскольку политические – в строгом смысле этого слова – требования проистекали из нормативных в своей основе (и, в значительной степени, бытовых) представлений о «правильном» и «неправильном», «допустимом» и «недопустимом». Превалирование этических мотиваций объясняет сложность идеологической категоризации обоих протестов по либерально-консервативному или право-левому спектрам. Вероятно, что в рядах противников Лукашенко были и симпатизирующие идеям глобального мира, и сторонники белорусского культурного национализма; на улицы Минска вышли те, кто лоялен России, и те, кто видит в ней второе издание Советского Союза. То же касается и Хабаровска – среди поддерживающих Фургала (члена ЛДПР) были и ностальгирующие по СССР коммунисты, и желающие возродить Дальневосточную Республику.

Как бы то ни было, именно этическая основа протестов дала самый мощный политизирующий эффект в обществах, которые до этого можно было считать деполитизированными и деидеологизированными (в отличие, например, от Украины и

Грузии, вся постсоветская история которых была отмечена высокой политической активностью). Объектом политических действий стали не вопросы экономического или социального развития (налогообложение, финансы и бюджет и т.д.), а вполне определенные действия властей, которые были восприняты в обществе с моральной точки зрения как недопустимые и нелегитимные (фальсификация выборов и арест избранного губернатора).

В Беларуси ключевым компонентом этического измерения протеста стал мощно проявивший себя гендерный фактор. Его символом стали мирные акции женской солидарности, визуально контрастировавшие с отрядами вооруженных полицейских, защищавших авторитарный режим Лукашенко, который сам неоднократно высказывался в категориях гегемонной маскулинности. Этот хорошо визуализированный контраст стал важнейшей особенностью белорусских протестов 2020 года.

Этика протеста трансформировалась в особую перформативную эстетику с ее образной драматургией и знаковым противостоянием мирных демонстрантов и brutальной полицейской силы

Во-вторых, в обоих случаях этика протеста трансформировалась в особую перформативную эстетику с ее образной драматургией и знаковым противостоянием мирных демонстрантов и brutальной полицейской силы. В традициях Джудит Батлер можно сказать, что альтернативная политическая субъектность формируется не на основе неких строго зафиксированных принципов (идеологических, биологических или материальных), а через повторяющиеся публичные перформативные акции с сильным имиджевым потенциалом. В рамках постструктуралистской политической теории был сформулирован получивший свое подтверждение и в Беларуси, и в Хабаровске тезис о том, что новые политические субъекты возникают из способности переобозначить старые и устоявшиеся представления о силе, справедливости, правде, уважении и других важнейших нормативных категориях. Перформативность всегда эмоциональна, поскольку должна вызывать сильные чувства – как эмпатии и сопереживания, так и отвращения. Примером может служить распространившаяся в оппозиционных кругах характеристика белорусской полиции как «карателей», с явными отсылками к лексикону Великой Отечественной войны.

Интересно, что оба случая показали примеры и контрперформативных акций, предпринятых от имени защищающей свои суверенные привилегии власти. Опять же, в политической теории можно найти характеристики суверенитета как властного феномена, идентичность которого формируется перформативно, а не базируется на каком-то предсуществующем фундаменте. Примерами контрперформансов могут служить провластные акции, организованные в поддержку Лукашенко, равно как и его патетическая фраза «Любимую не отдают», которая в течение нескольких дней трансформировалась в музыкальный видеоклип с участием белорусских и российских

артистов. Появление самого Лукашенко с автоматом в руках и в окружении спецназа на пике конфликта также содержало в себе символическое послание физической силы и готовности ее применять.

Что касается Хабаровска, то контрперформативность власти нашла свое выражение в фигуре Михаила Дегтярева, назначенного Путиным исполняющим обязанности губернатора после ареста Фургала. Дегтярев, до этого известный эксцентричным политическим поведением, по сути, сыграл роль трикстера, лиминальной фигуры, наделенной формальными полномочиями, но не имеющего контакта с местным сообществом и заменяющего коммуникацию с ним распространяемыми в сети видеороликами с попойкой мороженого и разговорами о сауне.

Тела не только «имеют значение», но именно они воплощают сопротивление авторитаризму и, соответственно, принимают на себя удары полиции

В-третьих, оба обсуждаемых случая содержали мощное телесное начало, проявлявшее себя в повседневных физических столкновениях и соответствующих рисках для здоровья, а то и жизни уличных активистов. В этом смысле и белорусские, и дальневосточные протесты можно поставить в один ряд и с Революцией достоинства в Украине, и «рейв-революцией» в Грузии, о которых невозможно говорить вне контекста прямого и непосредственного столкновения человеческих тел с аппаратом насилия, работающим на власть. Снова-таки, ссылаясь на Джудит Батлер, можно сказать, что тела не только «имеют значение», но именно они воплощают – в прямом смысле слова – сопротивление авторитаризму и, соответственно, принимают на себя удары полиции. Телесная свобода (в том числе беспрепятственно перемещаться по городу и выражать симпатии протестующим) была важнейшим мотиватором белорусской оппозиции. Другим политическим проявлением телесности стали акции местного IT-сообщества по деанонимизации полицейских, жестоко подавлявших протесты. «Ваши лица будут известны всем – вашим соседям и учителям ваших детей», – говорилось в видеообращении одного из активистов этой кампании. В свою очередь, насилие, легитимированное властью, усиливало этическую рамку протестов как столкновений безоружных граждан, требующих перемен, с государственным произволом.

Ни в Минске, ни в Хабаровске многомесячные акции гражданского неповиновения не привели к практическим результатам. В значительной степени это было связано с ограниченностью политических требований протестующих и соответствующей фрагментацией общей картины протестов на множество отдельных эпизодов, ограниченных как локально, так и содержательно. Затухание протестов также в значительной мере связано с большой подвижностью и неустойчивостью политических идентичностей в обеих странах, что затрудняет создание оппозицией политических – в полном смысле этого слова – коалиций.

Данная статья написана на основе недавно опубликованной академической статьи автора [The Minsk – Khabarovsk Nexus: Ethic, Performative, Corporeal](#)